
Слава Зорина
Врач для Алисы
БОСС ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Слава Зорина

Врач для Алисы. Босс под прикрытием

https://litres.ru/74810442
SelfPub; 2026

Аннотация

— Вашей дочери нужен живой отец.

— А вам какое дело? Вы — врач. Пришли, ушли, получили деньги.

— А ещё я ваша соседка и три месяца смотрю, как Алиса разговаривает только с моим котом, потому что вы слишком заняты саморазрушением.

Он швырнул костыль в стену, попытался встать сам и не смог.

— Вы ничего обо мне не знаете!

— Почему же? Знаю. Ваша жена погибла и вы считаете себя виноватым. А ещё вашей дочери нужна не няня, она смотрит на вас каждый вечер с надеждой, а вы отворачиваетесь.

— Замолчите.

— Нет. Потому что Алиса сегодня впервые заговорила. И, удивительное дело, не с вами, не с няней или со мной, а с моим котом!

Между ними слишком много: чужие секреты, преданное доверие, мужчина, готовый уничтожить обоих... и несколько

недель до Дня Валентина, чтобы понять, иногда сломанные люди — единственные, кто может собрать друг друга заново.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Слава Зорина
Врач для Алисы.
Босс под прикрытием

Глава 1

Соседний дом пустовал почти год. Сначала там жила пожилая пара, потом они съехали то ли к детям, то ли дети определили их куда-то, я так и не узнала, уж слишком быстро пропали старики. Сегодня еще кто-то копошился в доме, а вечером, когда я приехала с работы, дом уже был пуст. В отличие от старшего поколения, младшее никогда не желало дружить домами или общаться с соседями.

После них риелторы водили каких-то людей, показывали участок, тыкали пальцами в окна, но никто не задерживался. Может, дело было в цене, может, в расположении, а может, потенциальных покупателей отпугивала мёртвая герань в кашпо на крыльце, которую я каждый раз порывалась выкинуть, но так и не собралась. Как говориться, чужая герань — чужие проблемы…

За этот год я привыкла к тишине справа от себя. К тёмным окнам по вечерам и заколоченным ставням, к ощущению, что моя личная территория чуть больше, чем положено

по документам. И вот — фургон, я заметила его еще с поворота на нашу улицу, грузчики в серых комбинезонах бегали туда-сюда, таская коробки и мебель.

Я припарковалась на своём месте, заглушила двигатель, но выходить не спешила. Сидела и разглядывала суету за лобовым стеклом, как в кино, только попкорна не хватало.

Двое мужчин тащили диван. Бежевый, громоздкий, с какими-то немыслимыми подлокотниками в виде львиных лап. Вкус предыдущих хозяев или новых — пока неясно, но мысленно я уже посочувствовала тем, кому на этом сидеть. За грузчиками по дорожке шла женщина лет шестидесяти, может, чуть старше. Тёмное пальто, прямая спина, короткая стрижка… что-то в ней напоминало школьную директрису, которая точно знает, кто разбил окно в спортзале, даже если это случилось до её прихода. Она прижимала телефон плечом к уху и одновременно руководила процессом:

— Левее! Да не ваше левее, а нормальное человеческое левее! Вот так, осторожнее с косяком!

Грузчики послушно вильнули, диван застрял в дверях, женщина закатила глаза и продолжила говорить в трубку что-то неразборчивое.

А потом я увидела девочку.

Она сидела на нижней ступеньке крыльца, обхватив колени руками, и смотрела куда-то мимо всего этого хаоса. Светлые волосы, собранные в хвост, не тугой, а такой, какой завязывают, когда некогда или не до того. Серая куртка, розо-

вые сапожки с каким-то рисунком, кажется, котики. На вид малышке был лет шесть, может, семь.

Вокруг неё суетились взрослые, что-то кричали, тащили, роняли, извинялись, а она не шевелилась. Словно кто-то нажал «паузу» на её персональном пульте и забыл включить обратно.

Я нахмурилась, более пристально всматриваясь в детское личико. Я видела такое раньше, и состояние малышки не было связано с особенностями развития, нет. Это была травма, что-то произошло… и теперь ребёнок вроде бы здесь, но на самом деле где-то очень далеко, в том месте, куда взрослым хода нет…

Девочка не плакала, не крутила головой, не реагировала на грохот, когда один из грузчиков уронил коробку с посудой. Просто сидела и смотрела в одну точку.

Женщина в тёмном пальто закончила разговор, убрала телефон и обернулась, то ли почувствовала мой взгляд, то ли просто так совпало. Несколько секунд мы смотрели друг на друга через моё лобовое стекло, потом она коротко кивнула — не приветственно, а скорее констатирующе: вижу тебя, ты видишь меня, формальности соблюдены. Я кивнула в ответ, подхватила сумку с заднего сиденья и наконец выбралась из машины.

Холодный январский воздух сразу забрался за воротник, и я пожалела, что утром решила не надевать шарф. Утром я вообще много глупостей решаю — например, что пять ми-

нут дополнительного сна важнее завтрака, что бутерброд в машине считается полноценным приёмом пищи, и что от одной чашки кофе из автомата ничего не будет, хотя будет, ещё как будет, и изжога тому свидетель!

Я прошла мимо соседского крыльца, стараясь не пялиться на девочку. Не получилось, конечно. Она так и сидела, неподвижная и отрешённая, и розовые сапожки с котиками казались чем-то неправильным рядом с её пустым взглядом.

Ключ, как обычно, застрял в замке. Этот замок ненавидел меня с первого дня и пользовался любой возможностью это продемонстрировать. Я крутила ключ, толкала дверь плечом, мысленно перебирала все известные мне ругательства и краем глаза видела, что девочка на соседском крыльце так и не пошевелилась.

Замок наконец сдался. Я ввалилась в прихожую, захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, переводя дух.

— Мяу, — просигнализировал Шпрот с интонацией «ну наконец-то, обслуживающий персонал соизволил явиться».

Он сидел посреди коридора, черный и пушистый, и смотрел на меня с тем выражением морды лица, которое я за три года научилась переводить как «ты опоздала, миска пуста, жизнь несправедлива, немедленно исправляй ситуацию».

— Я тоже рада тебя видеть, — проворчала, скидывая сапоги. — И да, я знаю, что опоздала. На целых семь минут. Видишь, мир не рухнул, а твое жирное и пушистое пузо все еще на месте.

Шпрот фыркнул, именно фыркнул, у него это отлично получается — развернулся и потрусил на кухню. Точно, чтоб показать дорогу, как будто я могла забыть, где стоит его миска. Как будто я не насыпала в неё корм каждый божий день вот уже три года!

Я прошла за ним, на автомате включила чайник, насыпала корм в миску и Шпрот немедленно начал есть так, словно голодал неделю, а не шесть часов, и достала телефон.

Два пропущенных от мамы, одно сообщение от Лены из процедурного: «Планёрка завтра в 8!!! Самойлов велел передать, не опаздывай, он опять на всех орал». И ничего от Игоря.

Я посмотрела на экран ещё секунду, потом набрала его сама.

Гудок. Ещё один. На третьем он взял трубку, и в первую секунду я услышала какой-то фоновый шум: голоса, смех, звон бокалов, то ли бар, то ли чей-то дом.

— Да? — Голос у него был рассеянный, слегка раздражённый, как будто я оторвала его от чего-то важного.

— Привет. Ты во сколько сегодня?

Повисла пауза, а шум на фоне стал тише, он, наверное, отошёл куда-то или прикрыл трубку рукой.

— Задержусь. У Кирилла день рождения, ребята после работы зашли к нему отметить. Ты же не против?

— А, — сказала я. — Ладно. Клёво повеселиться.

— Ага. Целую.

Он отключился до того, как я успела ответить. Впрочем, кого я обманываю, я и не собиралась…

Чайник закипел и щёлкнул, выключаясь. Я достала чашку, ту самую, с дурацкой надписью «Лучшему врачу», которую мне подарили коллеги на прошлый день рождения. Насыпала заварку, залила кипятком и уставилась на поднимающийся пар.

Кирилл из хирургии... День рождения…

У Кирилла из хирургии день рождения в апреле. Я это точно помню, потому что в прошлом году мы всем отделением скидывались на подарок — какой-то дорогой виски, кажется, — и я ещё ворчала, что не понимаю, зачем дарить алкоголь хирургу, руки у него не дрожат разве после таких подарков. А Лена тогда смеялась и говорила, что руки у Кирилла вообще не дрожат, даже если он с похмелья, проверено.

Но сейчас-то конец января.

Шпрот закончил ужинать и теперь сидел на подоконнике, уставившись в окно с видом сурового охранника, которому доверили важный пост. За окном темнело, и в соседском доме начали зажигаться огни: сначала на первом этаже, потом на втором.

Я отхлебнула чай, обожгла язык и чуть не выругалась вслух.

Можно было позвонить Игорю снова. Спросить, у какого именно Кирилла день рождения в январе, уточнить адрес, предложить заехать. А можно было устроить сцену, выясне-

ние отношений, все эти «ты мне врёшь» и «я тебе не верю». Можно было… но ни мне, ни ему не нужно.

Я отставила чашку, подошла к окну и встала рядом со Шпротом, глядя на соседский дом. Там, за освещёнными окнами, кто-то двигался — тени мелькали за занавесками, женщина в тёмном пальто, наверное, всё ещё руководила процессом расстановки мебели.

А девочка? Где сейчас девочка с пустым взглядом и розовыми сапожками?

— Что думаешь? — задумчиво спросила я Шпрота.

Он посмотрел на меня, моргнул медленно и снова отвернулся к окну. Что бы это ни значило, я решила считать это ответом, а именно, что хана нашим владениям и тишине. Где дети, там и родители, а где родители, там и детские дни рождения, даже если сам ребенок их не хочет, но хотят фоточки из соцсетей. Контент он такой, сам себя не напилит…

Но пока что вечер тянулся рутинно-привычно. Я приготовила себе что-то отдалённо напоминающее ужин: макароны с сыром, причем вываленном на них прям кусками, даже на терку не потерла, потому что мне снова не хватило сил на нормальную еду. Проверила почту — ничего срочного. Посмотрела кусок какого-то сериала, не запомнив ни одного имени и легла в двенадцать, хотя знала, что не усну.

Так и вышло.

Я лежала в темноте, слушала, как за стеной что-то скрипит и думала о том, как странно складывается жизнь.

Мне тридцать один год. Ипотеку ещё выплачивать четырнадцать лет и три месяца — да, я считала. Работа в частной клинике, которую люблю, но от которой иногда хочется сбежать на необитаемый остров. Отношения, в которых всё вроде бы нормально — если не задавать лишних вопросов и не думать о том, у какого именно Кирилла сегодня день рождения…

А между тем, мама каждый месяц спрашивает про свадьбу. Подруги показывают фотографии детей и новых кухонь. Лена из процедурного рассказывает про мужа — вечно что-то натворил, вечно где-то накосячил, но это же любовь, Марин, ты не понимаешь. Может, и не понимаю. Может, в этом и проблема…

Шпрот запрыгнул на кровать, потоптался по моим ногам, нашёл место поудобнее и улёгся, включив свой моторчик. Урчание у него громкое, терапевтическое почти — когда он так делает, мне всегда становится чуть легче дышать и сразу в сон клонит.

Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о чём — ни о девочке с пустым взглядом, ни об Игоре с его враньём, ни о завтрашней планёрке в восемь утра.

Глава 2

На планёрку я всё-таки опоздала.

Самойлов посмотрел на меня так, будто я лично нанесла ему оскорбление! Я пробормотала «извините», протиснулась между Леной и новенькой медсестрой, имя которой вечно вылетало у меня из головы, и приготовилась к очередному утреннему разносу.

Но разноса не случилось.

Самойлов — главный врач, гроза ординаторов и человек, способный одним взглядом довести до нервного тика, стоял у своего стола непривычно тихий. Даже какой-то растерянный, что для него было примерно так же естественно, как балетная пачка на борце сумо. Рядом с ним топтались двое незнакомых мужчин в дорогих костюмах, эти точно не были врачами. У врачей другая осанка, другой взгляд, и уж точно никто из нас не носит запонки на планёрку в восемь утра.

— Итак, — Самойлов откашлялся, — у меня для вас новость. Вернее, объявление. — Он покосился на мужчин в костюмах, как будто ждал разрешения продолжать. Один из них едва заметно кивнул. — Клиника сменила владельца. С сегодняшнего дня «Биомед» принадлежит новому собственнику.

Лена толкнула меня локтем в бок, я толкнула её в ответ, наш универсальный код для «потом обсудим».

— И кто же это? — спросил Петрович из рентгенологии, он вообще никогда не стеснялся задавать неудобные вопросы.

Самойлов снова посмотрел на костюмированных мужчин.

— Имя собственника пока не разглашается, — ответил тот, что кивал. Голос у него был такой же гладкий, как костюм — ни складочки, ни эмоции. — Но могу заверить, что все условия трудовых договоров остаются в силе. Никаких сокращений пока не планируется.

Пока…

Когда люди в дорогих костюмах говорят «никаких сокращений», это обычно значит, что сокращения уже запланированы, просто список ещё не утверждён.

— В ближайшие дни в клинике будет проводиться аудит, — продолжал мужик. — Просим отнестись с пониманием и оказывать содействие нашим специалистам.

О, прекрасно. Это значит, что какие-то незнакомые люди будут рыться в документах, задавать вопросы и смотреть на всех так, будто подозревают в краже бинтов и пластырей.

Планёрка закончилась быстро, Самойлов явно хотел поскорее отделаться от костюмов и осмыслить происходящее в одиночестве. Мы высыпали в коридор, и тут же стало шумно: все говорили одновременно, строили версии, вспоминали слухи.

— Говорят, это кто-то из нефтянки, — возбуждённо рассказывала Лена, хватая меня за рукав. — У Катьки из реги-

стратуры муж в налоговой работает, он сказал, что какой-то олигарх скупает медицинские активы по всей области.

— Откуда муж Катьки знает про олигархов? — усомнилась я.

— Ну, он не прямо знает, но слышал от кого-то, кто слышал...

— А, ну тогда конечно. Железный источник.

Лена обиженно поджала губы, но обижаться долго не умела, это было одно из её многочисленных достоинств.

— Ладно, может, и враньё. Но согласись, странно всё это. Григорьев владел клиникой и получал нехилую прибыль, с чего бы ему продавать?

С чего бы — хороший вопрос. Григорьева я видела от силы раз пять за всё время работы, он почти не вмешивался в дела клиники, оставляя всё на Самойлова, и я, честно говоря, иногда забывала, что у «Биомед» вообще есть хозяин.

А теперь, пожалуйста, новый собственник, проверки, аудит, люди в чёрном…

Что-то назревало, и мне это не нравилось.

Игоря я нашла в ординаторской, он сидел за столом, уставившись в телефон с таким видом, будто там, в прямом эфире транслировало начало апокалипсиса!

— Привет, ты слышал про нового владельца?

Он вздрогнул, честное слово, реально вздрогнул, как будто я застала его за чем-то запретным. Телефон моментально исчез в кармане халата.

— А? Да. Слышал.

— И что думаешь?

— Ничего не думаю. Ну сменился владелец, нам-то что, работа та же.

Он выглядел плохо. Не в смысле внешности, Игорь всегда выглядел хорошо, это была одна из его главных черт, которая поначалу меня и привлекла. Высокий, тёмные волосы, улыбка, от которой пациентки млели, а медсёстры хихикали. Но сейчас под глазами залегли тени, а пальцы, которыми он барабанил по столу, подрагивали.

— Ты в порядке? — спросила я, садясь рядом.

— В полном.

— Игорь.

— Что?

Я помолчала, подбирая слова. За полтора года отношений я так и не научилась с ним разговаривать по-настоящему. Не про работу, не про бытовые мелочи, а про то, что происходит на самом деле. Каждый раз, когда пыталась, он отшучивался или переводил тему, и я отступала. Потому что так проще и не хотелось ссориться, потому что... да много почему!

— Вчера, — начала я осторожно. — Ты сказал, что у Кирилла день рождения.

— И?

— У Кирилла из хирургии день рождения в апреле.

— Другой Кирилл, — сказал он ровным голосом. — Из фитнес-клуба. Ты его не знаешь.

— Из какого фитнес-клуба?

— Марина. — Он встал, отодвинув стул так резко, что тот скрипнул по полу. — У меня пациент через пятнадцать минут. Можем мы не устраивать допрос?

Я хотела сказать, что это не допрос и я просто спросила. И как будто бы нормальные люди в нормальных отношениях разговаривают друг с другом, и это не считается преступлением. Но Игорь уже выходил из ординаторской, и я осталась сидеть одна, глядя на закрывшуюся дверь.

После обеда меня поймала Лена — буквально поймала, схватив за локоть у входа в процедурный.

— Ты слышала? — Её глаза горели тем особым блеском, который появлялся только при наличии действительно сочных сплетен. — Про Валеева и Назарова?

Валеев и Назаров были ведущими хирургами клиники. Оба — мужчины за пятьдесят, оба — с безупречной репутацией и длинным списком благодарных пациентов. Валеев оперировал мою маму два года назад и она до сих пор при каждом удобном случае рассказывала, какие у него золотые руки.

— Что с ними?

Лена оглянулась по сторонам — театрально, как в шпионском фильме — и понизила голос:

— Их вызвали наверх. К этим, в костюмах. Три часа там сидели, представляешь? А потом Валеев вышел весь красный, хлопнул дверью и уехал. Прямо посреди рабочего дня.

— Может, личное что-то?

— Ага, личное. — Лена фыркнула. — Катька из регистратуры видела, как он коробки из кабинета выносил. Вещи собирал.

Я нахмурилась. Валеев был частью клиники, как стены и тот жуткий фикус в холле, который никто не поливает, но он почему-то не умирает. Почти как дохлая герань у дома соседей…

— Думаешь, уволили?

— Не знаю, — Лена пожала плечами, — но Светка из бухгалтерии сказала, что аудиторы копаются в финансовых документах. И начали они ещё до того, как нам официально объявили про смену владельца! И что они нашли какие-то несоответствия!

— Какие несоответствия?

— Да я откуда знаю! — Она всплеснула руками. — Светка сама толком не поняла, но говорит, что речь шла о каких-то левых платежах. Типа откатов.

Откаты? Да ладно, в нашей клинике?! Я попыталась осмыслить эту информацию, но она не укладывалась в голове. Хотя... если подумать. Валеев всегда назначал дорогие обследования. Очень дорогие и порой не совсем необходимые… Тогда я списала все на скурпулезность врача и желание все предусмотреть…

— Ещё ходят слухи, — продолжала Лена, понижая голос до еле слышного шёпота, — что новый владелец какой-то

молодой богач. То ли айтишник, то ли ещё кто. И что он купил клинику специально, чтобы всех вычистить. Типа мести.

— Месть? За что?

— Не знаю. Может, его родственника тут плохо лечили. Или ещё что…

Это звучало как бред. Кто в здравом уме покупает целую клинику ради мести? Хотя я читала истории и покруче, люди делают странные вещи, когда у них много денег и много боли.

— Ладно, — я высвободила локоть из Лениной хватки, — мне пациентов смотреть. Потом расскажешь, если что-то новое узнаешь.

— Обязательно! — Она просияла. — Я тебе в мессенджер напишу, если что!

Я пошла по коридору к своему кабинету, думая обо всём сразу: о Валееве и загадочном новом владельце, об Игоре с его Кириллом из фитнес-клуба… У двери кабинета я остановилась, достала телефон, открыла переписку с Игорем. Последнее сообщение было моим: «Спокойной ночи».

Он не ответил.

Раньше отвечал всегда. «И тебе», «Сладких снов», «Люблю» — короткие, дежурные фразы, но они были. А теперь пустота.

Я убрала телефон и толкнула дверь кабинета.

Может, это и к лучшему, вообще все и молчание моего мужчины и новый шеф. Клинике давно нужна была встряс-

ка. Новая метла, которая выметет всё лишнее: Валеевых с их откатами, и серые схемы, и всё то, на что мы годами закрывали глаза. А мне в отношениях? Тоже она нужна?

Глава 3

Шпрот исчез.

Я обнаружила это в семь вечера, когда пришла домой после смены и привычно позвала его с порога. Обычно он появлялся сразу же, выныривал откуда-нибудь из-под дивана или с подоконника, демонстративно потягивался и шёл ко мне с видом «ну наконец-то, я тут чуть не умер от голода и одиночества». Но в этот раз меня ждала тишина и… пустота.

— Шпрот? — Я прошла на кухню. — Шпрот, ты где?

Заглянула в комнату — никого. В ванной тоже. Под кровать, за шкаф, в тот угол за креслом, куда он иногда забивался, когда обижался на меня за что-нибудь. Везде было пусто… но зато окно на кухне было приоткрыто.

Я точно помнила, что оставляла его на микропроветривание, я так делала каждый день, а ещё я точно знала, что Шпрот никогда не интересовался этим окном. За три года он ни разу не пытался через него сбежать! Зачем, если дома тепло, еда и персональный человек, который чешет за ухом по первому требованию?

А теперь — сбежал.

Я схватила куртку и выскочила на улицу.

Январский вечер встретил меня темнотой и холодом. Фонари вдоль улицы горели через один, половина вечно не работала, и жители посёлка давно перестали жаловаться в

управляющую компанию, потому что толку от этих жалоб было как от козла молока. Я прошла вдоль своего дома, заглядывая под кусты и негромко подзывая кота.

— Шпрот! Шпрот, иди сюда! Кис-кис-кис!

Я обогнула свой таунхаус, проверила задний двор — ничего. Калитка, ведущая к соседям, была закрыта, но не заперта, и я на секунду замерла, решая, стоит ли туда соваться. Мы даже не познакомились толком. Только кивнули друг другу позавчера, и всё.

А потом я услышала голос…

Тихий, еле различимый, детский. Даже не слова это были, скорее какое-то бормотание и до боли знакомое мяуканье!

Этот мерзавец был у соседей.

Я толкнула калитку и прошла по дорожке к соседскому крыльцу. Свет горел на первом этаже, из-за занавесок пробивались тёплые жёлтые полосы, а на ступеньках, тех самых, где позавчера сидела девочка с пустым взглядом, сейчас никого не было. Но голос доносился откуда-то сбоку, из-за угла дома.

Я обогнула крыльцо и замерла.

Девочка сидела на садовой скамейке, закутанная в плед, а на её коленях, развалившись со всем возможным комфортом, лежал мой чёрный предатель. Она гладила его медленно, осторожно, и что-то шептала ему на ухо, так тихо, что я не могла разобрать слов. Шпрот жмурился от удовольствия и урчал как трактор.

— Простите!

Я вздрогнула и обернулась. Женщина в тёмном пальто, та самая, раздающая ценные указания грузчикам, стояла у задней двери дома, прижимая к груди кружку с чем-то горячим.

— Простите, — повторила она, подходя ближе. — Я хотела позвонить вам, но не знала номера. Он пришёл сам, часа два назад. Я думала выставить его за калитку, но Алиса... — Она кивнула на девочку, и голос её чуть изменился, стал мягче. — Похоже, это была любовь с первого взгляда, я не решилась прогнать.

— Ничего страшного, — пробормотала я, хотя внутри всё ещё кипела праведная обида на своего котьку. — Он у меня вообще-то домосед, никогда раньше не сбегал.

Женщина слабо улыбнулась:

— Дети и животные всегда находят друг друга.

Мы помолчали. Я смотрела на девочку — Алису, теперь я знала её имя. Она не обращала на нас никакого внимания, полностью поглощённая котом. В тусклом свете, падающем из окон, её лицо казалось очень бледным и очень серьёзным. Не детское лицо, если честно…

— Меня зовут Зинаида Павловна, — наконец нарушила молчание моя новая знакомая. — Я... — она запнулась, подбирая слово, — помогаю по хозяйству и присматриваю за Алисой.

— Марина, живу по соседству. Очевидно.

— Очевидно, — согласилась Зинаида Павловна, и уголки

её губ дрогнули в намёке на улыбку. — Хотите чаю? Замёрзли, наверное, пока искали своего беглеца.

Я хотела отказаться — поздно уже, завтра на работу, куча отговорок сразу в голову пришла, но что-то меня остановило.

— Спасибо, с удовольствием.

Кухня у соседей оказалась большой и какой-то... незаконченной. Коробки с кухонной утварью так и стояли в углу не до конца распакованные, а стульях хоть и бали расставлены, но как-то хаотично. Тем неменее, на столе с погасшим экраном стоял ноутбук, валялась стопка бумаг, а рядом с ней позабытая кружка с остатками кофе. У меня сложилось какое-то четкое ощущение временности, транзита, как будто люди здесь не живут и не собираются, а пережидают что-то.

— Вы врач? — Зинаида Павловна налила мне чаю, села напротив. Интересно, что вопрос звучал не «кем работаете», а сразу — врач. Видимо, что-то во мне выдавало профессию.

— Терапевт. В частной клинике.

— А-а, — она кивнула, как будто это что-то объясняло. — Это хорошо. Врачи — полезные соседи.

Я отхлебнула чай и решилась спросить:

— Алиса... она ваша внучка?

— Нет. — Зинаида Павловна покачала головой. — Я няня. Работаю у Верновых с её рождения.

Верновы... Значит, это их фамилия.

— А родители?

— Мать Алисы погибла три месяца назад. — Лицо Зинаиды Павловны изменилось. — Автокатастрофа. Пьяный водитель вылетел на встречку.

Я опустила чашку на стол, вот оно что… теперь ясно почему девочка сидела на крыльце как выключенная, не реагируя на грохот и крики грузчиков.

— Мне очень жаль….

Зинаида Павловна кивнула.

— Дмитрий Сергеевич — отец Алисы — тоже был в машине. Выжил, но... — Она помолчала, подбирая слова. — Множественные переломы и у него травма позвоночника. Провели три операции за три месяца, слава Богу, удачно прочло все. Он только начал ходить, на костылях пока.

— Он здесь? — Я оглянулась, как будто ожидала увидеть этого Дмитрия Сергеевича в дверном проёме.

— Да, но уже наверху. Отдыхает. — Зинаида Павловна чуть поморщилась. — Переезд его вымотал, хотя он, конечно, никогда в этом не признается.

Я снова посмотрела в окно, за которым темнел сад. Алиса всё ещё сидела на скамейке со Шпротом. Плед сполз с одного плеча, но она не поправляла его, слишком увлечённая котом.

— Она не разговаривает.

Зинаида Павловна вздохнула:

— С того дня ни слова не сказала. Психологи говорят, это реакция на травму. Селективный мутизм… Обещают, что пройдёт со временем.

— Но вы не верите?

Она поморщилась, потом взглянула на меня каким-то другим взглядом, как будто решала, можно ли мне доверять.

— Я верю, что Алисе нужен отец. А отец... — Она не договорила, махнула рукой. — Он сам пока не в себе. Смотрит на неё и видит Ксению. Жену. Они были очень похожи.

— Мой кот, — выдала я вдруг, вновь переведя взгляд в окно. — Пусть приходит к ней, если помогает. Ну и в гости заглядывайте, наш со Шпротом черед гостей принимать.

Зинаида Павловна моргнула, явно не ожидая такого предложения.

— Вы уверены?

— Да. — Я и сама удивилась, насколько уверена. — Шпрот всё равно теперь дорогу знает, будет частым гостем.

— Спасибо. Это... это очень по-доброму с вашей стороны.

Я допила чай и встала.

— Мне пора. Завтра рано вставать. Но если что-то понадобится — врачебный совет, помощь какая-нибудь — я рядом.

— Я запомню. — Зинаида Павловна тоже поднялась, проводить меня до двери. — И ещё раз простите за кота.

— Всё в порядке. Честное слово.

Мы вышли на крыльцо. Алиса по-прежнему сидела в саду, и когда я подошла к ней, чтобы забрать Шпрота, она подняла голову и посмотрела на меня.

Глаза у неё были серые, огромные, и в них было столько

всего, что я не смогла разобрать. Боль, страх, одиночество… или мне просто показалось, потому что я уже знала её историю?

— Мне нужно его забрать, — сказала мягко. — Но он может приходить к тебе в гости. Каждый день, если хочешь.

Алиса не ответила, но пальцы её, лежащие на черной шерсти, чуть дрогнули.

Шпрот, мерзавец, посмотрел на меня с выражением «и зачем ты всё портишь?», но всё-таки позволил себя взять на руки.

— Спокойной ночи, — сказала я девочке. — Увидимся.

Дома я опустила Шпрота на пол, и он немедленно удалился в сторону кухни с видом оскорблённого достоинства.

— Предатель, — сказала я ему в спину. — Продался за почесушки!

Глава 4

Следующие три дня прошли в тревожке и очень нервно. На работе творилось непонятное: аудиторы ходили по отделениям с планшетами и каменными лицами, Самойлов срывался на всех подряд, а в курилке (я не курила, но иногда выходила за компанию с Леной), только и разговоров было, что о Валееве и Назарове.

Обоих уволили. Официально — по собственному желанию, но все конечно же понимали, что это за «желание» такое. Катька из регистратуры клялась, что видела, как Назаров выходил из кабинета Самойлова с таким лицом, будто ему только что сообщили о конце света. А Валеев, говорят, вообще грозился судом, но потом резко передумал, видимо, ему показали что-то, после чего судиться расхотелось.

— Откаты, — шептала Лена, округляя глаза. — Точно тебе говорю. Они брали откаты от фармкомпаний за назначение определённых препаратов. Светка из бухгалтерии сказала, там такие суммы могут быть — закачаешься...

— Светка из бухгалтерии много чего рассказать может, — хмыкала я, но внутри все тревожно холодело.

Если в делах замешаны Валеев и Назаров, значит, могут быть и другие. Я же очевидно обманывалась, думая, что в нашей клинике честные, настоящие, деятельные! Но даже не это беспокоило так сильно. Мы все ждали следующего увольн-

нения. Стало очевидно, новый владелец, кем бы он ни был, явно намерен копать до конца.

И, как на зло, Игорь стал меня избегать.

Нет, формально всё было как обычно: мы виделись в коридорах, перебрасывались парой слов, он даже один раз зашёл ко мне в кабинет — принёс кофе из автомата, постоял минуту, глядя в стену, и ушёл, сославшись на пациента. Но что-то изменилось. Он больше не задерживался поболтать, не предлагал пообедать вместе, и не писал дурацкие сообщения в течение дня — те самые, которые раньше раздражали, а теперь их отсутствие раздражало ещё больше.

Я пыталась с ним поговорить, но он только отнекивался и говорил, что всё нормально, просто устал, много работы и так дальше, бесконечно его просто-просто-просто. Слово «просто» он произнёс раз пять, и каждый раз оно звучало всё более фальшиво.

Ну, я и отстала. Возможно, нам и правда нужно время на переосмысление, мы куда-то катимся, но явно не туда, куда хотелось бы.

А между тем, Шпрот каждый вечер сбегал к соседям.

Смирившись, я даже перестала закрывать окно на кухне, всё равно бесполезно, он находил способ выбраться. Видимо, стоило принять, что мой кот теперь живёт на две семьи, и каждый вечер около семи топает через двор к Верновым, а возвращается ближе к десяти, сытый и довольный. Зинаида Павловна пару раз подходила извиниться, я отмахивалась —

ничего страшного, пусть ходит. Алисе он нужнее...

Саму Алису я видела издалека: на крыльце, в саду, иногда в окне второго этажа. Она по-прежнему не разговаривала, по крайней мере, при взрослых. Но Зинаида Павловна сказала, что с котом девочка болтает всё больше. Целыми фразами иногда, шёпотом, так тихо, что не разобрать слов, но всё-таки — слова. Это уже что-то!

Отца её, Дмитрия Сергеевича, я так и не видела. Ни разу.

***

Звонок от Игоря застал меня в пятницу вечером, когда я уже переоделась в домашнее и раздумывала, чего бы такого сварганить на ужин из того печального набора продуктов, что обнаружился в холодильнике.

— Привет, — его голос звучал подозрительно бодро и по-деловому. — Слушай, есть разговор.

— Слушаю…

— Тут такое дело... — Он замялся. — На клинику пришел заказ, скинули на меня. Заказ от частника, с хорошей оплатой, но я сейчас не могу взять, сама понимаешь, с этим аудитом времени вообще ни на что нет.

— И?

— И я подумал, может, ты возьмёшь?

— Что за заказ? — звучало очень странно. Каждый лечащий или реабилитолог, неважно, дорожил клиентурой. В клинике даже был негласное правило, два смежника никогда не полезут в чужой “огород”. А тут, пожалуйста, сам отдает

хлебное место…

— Реабилитация. Мужик после аварии, множественные переломы, травма позвоночника, да стандартный набор, сама понимаешь. Он уже прошёл основное лечение, сейчас ему нужны регулярные процедуры — массаж, ЛФК, всё такое. На дому.

— На дому?

— Ага. — Снова шуршание. — Он не особо мобильный пока, на костылях еле ходит. Так что надо к нему ездить.

— И где он живёт?

— В том-то и прикол! — Игорь рассмеялся, но смех вышел каким-то натянутым. — Он живёт в «Сосновом берегу». В твоём посёлке, буквально по соседству с тобой, если я правильно понял адрес.

— Подожди, это случайно не дом номер...

— Семнадцать, — подтвердил Игорь в унисон со мной. — Точно, семнадцать. Вернов Дмитрий Сергеевич. Знаешь его?

Я молчала несколько секунд, переваривая. Разве бывают такие свпадения?

— Марин? Ты там?

— Да. Да, я здесь. Это... мой сосед. Новый. Они переехали на прошлой неделе.

— О, круто! — Игорь явно обрадовался. — Значит, тебе вообще никуда ездить не надо, пешком дойдёшь. Слушай, это реально выгодный заказ, он платит хорошо, и если всё

пойдёт нормально, там работы на несколько месяцев минимум, а это стабильные хорошие бабки.

— А почему ты не хочешь взять сам?

— Я же сказал — времени нет, — раздраженно бросил он. — Аудит, отчёты, сама знаешь, что творится. Меня Самойлов с потрохами съест, если я ещё и левые заказы начну брать.

Левые заказы. То есть частная практика в обход клиники, а ведь только что сказал, что через клинику заказ поступил... Да и вообще, раньше это его не смущало — я знала, что Игорь подрабатывает на стороне, многие так делали. Но сейчас, с новым владельцем и аудитом...

— Ладно, — несмотря на все это, я согласилась.И правда ведь, соседний дом. — Скинь мне контакты.

— Уже скидываю! — Он снова обрадовался, и в этой радости было что-то неприятное, какое-то облегчение, как будто он сбросил с себя груз. — Спасибо, Маринка, я твой должник.

Маринка... Он не называл меня так уже месяц, наверное.

— Пока, — сказала я и отключилась.

Через минуту пришло сообщение с номером телефона…

Я сидела на кухне, уставившись в телефон, и пыталась понять, что чувствую.

С одной стороны, деньги и правда не помешают. Ипотека сама себя не выплатит, да и вообще, дополнительный доход никогда не бывает лишним. Если Вернов платит хорошо, как

сказал Игорь, это может здорово поправить мой бюджет.

С другой стороны — это мой сосед. Человек, с которым мне жить бок о бок непонятно сколько лет. Профессиональные отношения с соседями штука скользкая. Что, если не сложится? Что, если он окажется сложным пациентом, из тех, что вечно недовольны, вечно жалуются, вечно знают лучше врача, как их лечить? Мне потом с ним через забор здороваться.

А ещё — Алиса. Если я стану лечить её отца, это как-то изменит наши... что? Отношения? Какие у нас отношения, я её видела три раза издалека!

Шпрот вернулся около девяти, как обычно. Запрыгнул на подоконник, посмотрел на меня с выражением «ну, как дела у прислуги?» и принялся вылизываться.

— Ты знаешь Дмитрия Сергеевича? — спросила я его.

Шпрот не ответил. Видимо, вопрос показался ему недостойным внимания.

— Я буду его лечить. Наверное. Если он согласится.

Кот зевнул, продемонстрировав впечатляющий набор зубов, и спрыгнул с подоконника. Я посмотрела на телефон. Позвонить ему? Написать? Подождать до завтра?

Нет, решила я. Не буду звонить сегодня, завтра суббота, зайду лично. Представлюсь нормально, объясню ситуацию. Всё-таки мы соседи, странно было бы начинать со звонка.

Суббота выдалась пасмурной, с низким серым небом и мелким колючим то ли мокрым снегом, то ли дождем. Он то

начинался, то прекращался, не давая понять, брать зонт или нет. Я проторчала у окна минут двадцать, собираясь с духом, потом плюнула, накинула куртку и вышла.

Калитка к Верновым была приоткрыта. Я толкнула её и прошла по дорожке к крыльцу.

Дом выглядел иначе, чем неделю назад. Кашпо с мёртвой геранью исчезли, вместо них стояли какие-то морозоустойчивые кустики в горшках. На окнах появились занавески. Все таки дома созданы для того, чтоб в них были люди. Сразу чувствуется что-то уютное и не мрачное.

Я поднялась на крыльцо и нажала звонок.

Сперва не было слышно совершенно ничего, а потом раздались шаги, медленные, неровные и… стук чего-то твёрдого о пол.

Дверь открылась, и я увидела его.

Дмитрий Вернов стоял в дверном проёме, опираясь на костыли. Высокий, с неожиданно стильно подстриженными темными волосами, статный, а не хлюпик (почему-то в своей голове я рисовала его задохликом), а лицо… волевое, мужественное вообще сбивало с толку. Ему было, наверное, лет тридцать пять, может, чуть больше, трудно сказать, когда человек выглядит так, будто не спал несколько суток.

— Вы кто? — Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ничего приветливого. Вообще ничего.

Голос тоже был соответствующий: низкий, хриплый, с интонацией человека, которого оторвали от чего-то важного

ради какой-то ерунды.

— Марина Савельева, — отрапортовала я, стараясь, чтобы голос звучал профессионально. — Ваша соседка. И врач. Мне передали, что вам нужна реабилитация.

Он продолжал смотреть на меня молча. Несколько секунд ничего не происходило — только дождь моросил за моей спиной и где-то вдалеке лаяла собака.

Потом он уточнил:

— Игорь прислал?

— Да.

— Понятно.

И захлопнул дверь у меня перед носом.

Глава 5

Я стояла перед закрытой дверью и пыталась понять, что только что произошло?!

Дождь усилился, холодные капли стекали по воротнику куртки мне за шиворот, а где-то в глубине дома слышались его неровные шаги, с характерным стуком костылей. Удаляющиеся.

Он что, серьёзно?!

Нет, ну я, конечно, могла развернуться и уйти. Вернуться домой, написать Игорю, что клиент отказался, и забыть об этом заказе как о страшном сне. Никто бы меня не осудил, в конце концов, я не нанималась терпеть хамство от незнакомых мужиков, пусть даже они пережили трагедию и передвигаются на костылях.

Но я не ушла.

Вместо этого я снова нажала на звонок. И ещё раз. И ещё.

Шаги внутри остановились. А потом медленно, я в красках представила, с какой неохотой, он начал топать к двери.

Дверь распахнулась, и Дмитрий Вернов уставился на меня с выражением человека, обнаружившего на пороге особо назойливую муху или бодрую распространительницу сетевой косметики.

— Вы глухая? — спросил он. — Или с восприятием какие-то проблемы?

— Я врач, — ответила спокойно. — И мой профиль помогать людям, которые нуждаются в реабилитации. Даже если эти люди ведут себя как... — Я запнулась, подбирая слово.

— Как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.